

УДК 811.111'23

ЧИТАТЕЛЬ, СЛОВО И ТЕКСТ: ВОСХОЖДЕНИЕ ПО «ЛЕСТНИЦЕ СМЫСЛОВ»

Е.М. Масленникова

Тверской государственной университет, Тверь

В параметры СЛОВА в художественном тексте входят: субъективная оценочность; контекстуальная мотивированность; детерминированность его ситуацией; временное ассоциирование; рефлексивность. СЛОВО запускает механизмы ассоциирования, узнавания и категоризации.

Ключевые слова: текст, смысл, понимание, интерпретация, контекст, коннотации, категоризация, код эпохи, лингвокультурный типаж.

В художественном тексте СЛОВО имеет следующие характеристики и параметры: субъективная оценочность; контекстуальная мотивированность; детерминированность его ситуацией; временное ассоциирование; рефлексивность. Предложенное Е.Г. Эткингом [20] понятие «лестница смыслов» связано с принципом неопределённости поэтического текста и бесконечностью его смыслов, которые уже выделены читателями и / или остаются потенциально возможными для выделения будущими читателями при последующих обращениях к тексту, что предопределяет, в свою очередь, его N-множественность интерпретаций-толкований, превращающихся в личностные читательские проекции текста. Понятие «лестница смыслов» связано с ещё одним понятием «лестница контекстов», состоящая из шести ступеней [20]. Нижние две ступени (контекст общесловарный и контекст условно-словарный как общепризнанный переносный смысл) представляют собой общезыковые контексты, а следующие ступени объединяют художественные контексты, позволяющие перейти от контекста литературного направления и / или эпохи к контексту данного автора, затем к контексту цикла стихотворений и выше – к контексту отдельного стихотворения.

При переводе восхождение по «лестнице контекстов» осложняется тем, что необходимым принимать во внимание не только собственно языковые параметры, но и различные экстралингвистические факторы. В подобных случаях именно СЛОВО запускает механизмы ассоциирования, узнавания и категоризации, позволяя читателю ориентироваться в тексте. Рассмотрим данное утверждение на примере слова *dandy* 'денди, щёголь', взятом в общесловарном контексте, и проследим особенности его употребления в контексте романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831, полностью – 1833) А.С. Пушкина, где это слово становится интер-и интратекстовым средством выстраивания отношений между дендистской литературной традицией и дендизмом как стилем жизни, реализуясь уже не только в контексте данного автора, но также в условно-словарном контексте и в контексте целого литературного направления, а затем, шире, – в контексте всей эпохи.

В строфе IV первой главы А.С. Пушкин использует англицизм *dandy* при описании обстоятельств вступления своего героя в светскую жизнь (*Как dandy лондонский одет*). Слово *dandy* выделено графически курсивом непосредственно в самом тексте и стилистически как неологизм-англицизм в авторском объяснении в примечании, что *dandy* – это ‘франт’, что позволяет предположить, что слово, скорее всего, не было известным массовому читателю-современнику автора. Передача авторской характеристики Евгения Онегина при переводе романа на английский язык зависит от ряда ограничений, так как переводчикам предстоит решить, оставить включение *dandy* в строфе IV первой главы романа или выбрать эквивалент, имеющий в той или иной степени схожие соответствующие культурно-исторические коннотации, (не) позволяющие читателю двигаться по «лестнице смыслов».

DANDY и ДЕНДИ в общесловарном контексте русского языка. Изданный в Санкт-Петербурге «Энциклопедический лексикон» [19] включает *dandy* в список важнейших иностранных слов, вошедших в русский язык из английского языка, среди которых также названы *воксаль* как ‘место увеселений’ (сейчас – *вокзал*), *леды*, *пуддинг* (современное правописание – *пудинг*), *фут*, *эль*, *юмор*, *ярд*, *яхта*. В примечании к книге французского путешественника Ж. Дюмон-Дюрвиля (1790–1842) её переводчик называет английские слова *comfort*, *groom*, *rout*, *dandy*, *humour* непереводаемыми словами, «выражающими самообытный характер любезного Джон Буля» [7: 267], т.е. настоящего англичанина. Академик Петербургской академии наук филолог И.И. Давыдов (1794–1863) называет слово *денди* в числе исключительно английских реалий, среди которых также *леды*, *комфорт*, *пудинг* и *ярд* [5]. Высмеивая прогуливающихся по Невскому проспекту столичных жителей, анонимный автор из еженедельника «Иллюстрация» [1] перечисляет встречающиеся в досужих разговорах английские слова (*jockey – groom – tweed – apple-cake – fashion – steeple-chase – eccentric – railways – humour – derby – sport – comfort – puff – race horse – turf – steamers – dandies – gentleman riders – plaid – grog – stud-book*), которые отражают сформировавшийся круг занятий и интересов денди: забота о собственном комфорте, увлечение скачками и бегами, наличие собственного грума и т.д.

Статья из «Справочного энциклопедического словаря» [17] указывает, что денди создаёт моду. Некоторые словари XIX века включают в дефиницию *денди* только его синонимы – *франт* [11] и *щёголь* [3] или дают развёрнутые объяснения ‘франт, следующий моде’ [12 и др.].

Контекст условно-словарный (общепризнанный переносный смысл). Программа дендизма отражена в следующих определениях: *денди* – это ‘мужчина, одевающийся постоянно по моде, порядочного происхождения, имеющий достаточный доход и обладающий хорошим вкусом’ [14] или ‘мужчина, одевающийся постоянно по моде и со вкусом, благородного происхождения и имеющий достаточный доход’ [15], но упоминание *дохода* противоречит неписанному кодексу денди с его взглядами на деньги и материальное. В России второй пик дендизма – после пушкинской эпохи – совпал с эпохой декаданса и попал под влияние его идеологии (см. [4]). Специфика русского дендизма нашла отражение в дефинициях рубежа XIX–XX веков: ‘франт, мужчина, постоянно одевающийся по моде и со вкусом,

щёголь большого света' [9], 'светский франт, щёголь большого света' [8] и др. Ироническое отношение к чрезмерной заботе о костюме и внешнем виде заставило заявить, что денди – это 'щёголь, аристократ, дурак' [10].

Основы кодекса дендистского поведения были заложены в Англии в период расцвета романтизма в культуре и литературе, повлиявшего на формирование лингвокультурного типажа ДЕНДИ в целом. Ф.В. Булгарин (1789–1859) в книге «Очерки русских нравов» [2], высмеивая охватившую Европу англomанию, указывает, что светский лев должен охотиться, увлекаться рыбной ловлей и конскими скачками, уметь отлично плавать, фехтовать и стрелять, а также править упряжкой лошадей, тратить огромные деньги на лошадей, оружие, жокеев. А.С. Пушкин не смешивает *dandy* Онегина (*В своей одежде <...> франт*), подражающего признанному законодателю моды в искусстве одеваться (*Второй Чадаев, мой Евгений*), *франта-гвардейца* (*Сей Грандисон был славный франт*), *московских франтов записных*, и *уездного франтика* Ивана Петушкова, безуспешно сватовшегося к Татьяне.

Представленное Ф.В. Булгариным описание быта и привычек русских денди полностью соответствует характеру пушкинского Онегина: поздно встают, проводят два часа за туалетом, чистят зубы и ногти, затем гуляют с лорнетом по солнечной стороне Невского проспекта или по Английской набережной, делают светские визиты, являясь в гости последними, а потом отправляются в театр или на бал, стараясь везде казаться равнодушными. Становится понятным отношение Онегина к Татьяне: светские «львы иногда женятся – но никогда по любви, а всегда по расчёту <...> Влюбиться в благородную девицу – почитается глупостью, если при этом нет надежды уплатить долгов после женитьбы – и жить доходами жены» [2: 96].

Контекст литературного направления, эпохи. Вслед за А.С. Пушкиным, Н.Ф. Павлов (1803–1864) использует англицизм *денди* при описании театралов в повести «Аукцион» [13], передавая его с помощью транскрипции. Использование во множественном числе прецедентных имён *Чайлд-Гарольда*, который, кстати, породил появление особого типа романтического героя в мировой литературе под названием «байронический герой», и пушкинского *Онегина* придаёт им значение собирательности, свидетельствуя об активном формировании и закреплении культурно-исторической модели дендизма. Поэт трижды упоминает имя героя поэмы Дж. Байрона «Childe Harold's Pilgrimage» (1812–1818): в строфе XLIV четвёртой главы (*Прямым Онегин Чайлд-Гарольдом*), в строфе XXIV седьмой главы (*Москвич в Гарольдовом плаще*), в строфе VIII восьмой главы (*Чем ныне явится? Мельмотом <...> Гарольдом, квакером, ханжой*), у которой эпиграф из двух байроновских строк (*Fare thee well, and if for ever / Still for ever fare thee well*).

Имена собственные разочарованных в себе литературных героев перешли в разряд прецедентных феноменов, оказавшись тесно связанными с перцептивно-образным представлением о лингвокультурном типе ДЕНДИ и его составными параметрами в виде базовых конститутивных, перцептивно-образных и оценочных признаков. Онегин надевает маску (*Чем ныне явится?*), но для маски характерно переходить в разряд типажей: денди проявляли нарочитую небрежность и пренебрежительную невнимательность к окружающим, а *лорнет* становился средством визуальной игры в (не)узнавание, ср.: *Небрежно раскинувшись на креслах, поводили невнимательными лорнетами Московские денди, Чайлд-Гарольды, Онегины*. Н.Ф. Павлов. Аукцион

(1835); Ср.: *И, устремив на чуждый свет / Разочарованный лорнет <...> / Двойной лорнет скосясь наводит <...> Здесь кажут франты записные / Своё нахальство, свой жилет / И невнимательный лорнет.* А.С. Пушкин. Евгений Онегин

В первом полном переводе поэмы Дж. Байрона «Don Juan» (1818–1824) на русский язык В.И. Любич-Романович (1805–1888) активно использует слово *денди*, что свидетельствует о закреплении слова в языке к 1846 году. Отметим схожесть словосочетаний *денди записные* из байроновского «Дон Жуана» в переводе В.И. Любич-Романовича и *франты записные* из пушкинского «Евгения Онегина».

Ироническое восприятие лингвокультурного типажа ДЕНДИ в русской культуре и литературе начинается с 1840-х годов. Контексты из «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru), отражают меняющееся отношение к *dandy* – от восхищённого до иронического.

Контекст автора. Составители «Словаря языка Пушкина» [16] не стали включать в него слово *денди*, так как оно приведено в иноязычном написании, т.е. латиницей. Из синонимического ряда ДЕНДИ наиболее широко в пушкинских произведениях представлен *франт* (11 случаев словоупотребления), затем следует *щёголь* (3). В списке прибывших на именины Татьяны гостей в пятой главе упоминается *уездный франтик Петушков*, в описании которого сочетаются намёк на его провинциальность (*уездный*) и говорящее имя собственное (*Петушков*). В XIX веке *петухом* называли ‘драчуна, забияку’, а глагол *петушиться* имел ещё одно значение ‘кичиться, чваниться’ [6], поэтому в глазах столичного жителя *Петушков* – это самодовольный *франтик*.

Понятие «тесноты стихотворного ряда» [18] отражает свойство слова в микроконтексте устанавливать для себя новую семантическую «среду», действуя в пределах предложения или словосочетания. Именно в такой среде реализуется рифмующаяся пара *франт – педант* (*В своей одежде был педант / И то, что мы назвали франт*), где *педант* имеет значение ‘человек, отличающийся мелочной точностью в соблюдении каких-н. правил, норм и требующий того же от других’ [16], т.е. для читателя XIX века усиливается смысловая логическая цепочка: Онегин старается копировать модель поведения, но настоящий денди сам создаёт моду, а не следует ей (см. статью «Денди» в [17]). В строфе V первой главы слово *педант* имеет ещё одно значение: ‘человек, выставляющий напоказ свои знания, свою учёность, с апломбом судящий обо всём’ [16]: *Онегин был по мненью <...> Учёный малый, но педант.* Через другие члены синонимического ряда слово *денди* (*dandy*) оказывается вовлечённым в широкий **контекст автора**, в **контекст цикла стихотворений** и **контекст отдельного стихотворения**.

Английский синонимический ряд DANDY ‘денди, щёголь, франт, фат’ включает [21]: *beau* ‘щёголь, франт’ (с XVII века), *blade* ‘франт, фат’, *coxcomb* ‘фат, пижон’ (с XVI века), *for* ‘щёголь, фат, пижон, хлыщ’ (с XVII века), *man about town* ‘светский человек, богатый повеса, жуир’, *peacock* ‘фат’, *porinjaу* ‘фат, щёголь, хлыщ’ (с XVI века) и *swell* ‘франт, щёголь, светский человек’. Тех, кто подражал континентальной моде, называли в XVIII веке *macaroni* ‘франт, фат’. К устаревшим словам также относятся: *blade* ‘франт, фат’, *blood* ‘франт, денди’, *buck* ‘денди, щёголь’ (с XVIII века). В британском варианте

языка присутствует сленговое слово *toff* ‘франт, щёголь; джентльмен’ (с XIX века), а в американском – *dude* ‘хлыщ, фат, пижон’ (с XIX века). Словосочетанию *military fop* соответствует ‘душка-военный’. К зооморфным образам восходят *peacock* (от *peacock* ‘павлин’) и *popinjay* (от *parrot* ‘попугай’). Слово *fop* получило со временем негативные коннотации, указывая на тщеславного человека, гордящегося внешностью. Поскольку настоящий англичанин, представляемый лингвокультурным типажом *John Bull*, не должен был демонстрировать интерес к одежде и своему внешнему виду, то в отношении героя А. Кристи (1890–1976) элегантно одевающегося бельгийца Эржюля Пуаро англичане используют именно слово *fop*. При переводе строфы XXV первой главы мнения переводчиков разделились: многие предпочли *fop* в качестве эквивалента для *франта* вариант *fop* (H. Spalding, 1881; Ch. Johnston, 1977; J. Falen, 1990; R. Clarke, 2005), но некоторые продолжают именовать его *dandy* (S.N. Kozlov, 1994; G.R. Ledger, 2001; S. Mitchell, 2008; M. Hobson, 2011). Примечательно, что сэр К. Филлиппс-Уолли вводит русскую реалию *франт*: *And what we Russians call a "phrant"* (C. Phillipps-Wolley, 1883).

Ограничение по маркированности слова действует для *уездного франтика Пемушкова*: его нельзя отнести к разряду *denди*: *country dandy* (B. Simmons), *district dandy* (S.N. Kozlov), *local dandy* (G.R. Ledger; M. Hobson). *Пемушков* не был богатым светским человеком, поэтому он не *man about town* ‘светский человек, богатый повеса’: *local man-of-fashion* (R. Clarke). Его трудно отнести к категории *swell* ‘франт, светский человек’: *provincial swell* (H. Spalding). Скорее всего, он – *local fop* (Ch. Johnston), *district fop* (J. Falen), *our fop* (S. Mitchell). Присутствующие на балу из седьмой главы *франты записные* демонстрируют стиль поведения (*нахальство*) и атрибуты денди (*невнимательный лорнет* и *жилет*), поэтому в общий контекст вписываются *fops* (H. Spalding; S. Mitchell; M. Hobson) и *dandies* (Ch. Johnston; J. Falen; G.R. Ledger), но в меньшей степени *men of fashion* (B. Simmons) и *men from the smart set* (R. Clarke). Упомянутый в первой главе *бобровый воротник* (*Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник*) для читателей XIX века участвовал в процессе формирования текстового смысла, попадая в соответствующую концептуально-тематическую область, связанную с традициями дендизма. Из детали мужского гардероба *бобровый воротник* он превращается в закодированный символ эпохи русских денди. Культурная обусловленность опосредованного вторичного текста допускает концептуальную гибкость: возможны *beaver collar* ‘бобровый воротник’ (R. Clarke; S. Mitchell; M. Hobson), *furs* ‘меха’ (H. Spalding), *fur collar* ‘меховой воротник’ (O. Emmet, S. Makourenkova, 2007).

Выводы. В художественном тексте за СЛОВОМ стоит эксплицитно и имплицитно заданный набор ценностей. Временная осложнённость такого текста и его историко-временная маркированность приводят к тому, что зашифрованные авторские смыслы способны стать лакунами для последующих поколений читателей. Ситуативная обусловленность выступает как реализация социально-культурного контекста и переводчику необходимо учитывать смысловые и ассоциативные связи слова в определённом контексте с учётом кодовых параметров текста. Требуется принимать во внимание не только коды культуры и зашифрованные в них культурные ценности и

антиценности, но и особенности употребления СЛОВА, за которым могут стоять особые способы задания смысла.

Список литературы

1. Болтовня // Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. 1847. № 14 (19 апреля). С. 221-223.
2. Булгарин Ф.В. Очерки русских нравов. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. 98 с.
3. Бурдон И.Ф. Объяснительный словарь 30000 иностранных слов. М.: Унив. тип., 1865. 741 с.
4. Вайнштейн О.Б. Денди. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 640 с.
5. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. 462 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
7. Дюмон-Дюрвиль Ж. Всеобщее путешествие вокруг света. М.: Тип. Августа Семёна, при Имп. медико-хирургической акад., 1835. Ч. 2. 355 с.
8. Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. 605 с.
9. Зелинский В.А. Объяснительный словарь более употребительных в русской литературе и речи иностранных слов. М.: [изд. авт.], 1901. 227 с.
10. Карманный словарь иностранных слов. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1906. 103 с.
11. Михельсон А.Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М.: Собственное издание автора, 1866. 771 с.
12. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М.: А.И. Манухин, 1865. 718 с.
13. Павлов Н.Ф. Три повести. М.: Тип. Н. Степанова, 1835. 412 с.
14. Русский энциклопедический словарь. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. Т. 1. 728 с.
15. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В.И. Губинский, 1894. 989 с.
16. Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Азбуковник, 2000.
17. Справочный энциклопедический словарь. Т. 4. СПб.: Издание К. Крайя, 1855. 430 с.
18. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 139 с.
19. Энциклопедический лексикон. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1839. Т. 16. 400 с.
20. Эткинд Е.Г. Проза о стихах. СПб.: Знание, 2001. 446 с.
21. Collins Concise Thesaurus. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2000. 823 p.

READER, WORD, AND TEXT ON THE "LADDER OF MEANINGS"

Е.М. Maslennikova
Tver State University, Tver

Parameters of words in a literary text includes: subjective evaluative; contextual motivation; situational determinism; temporary association; reflexivity. A WORD launches mechanisms of association, recognition and categorization.

Keywords: *text, meaning, understanding, interpretation, context, connotations, categorization, code of the epoch, linguocultural type.*

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Тверской государственный университет, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru